

УДК 82
ББК 83.3

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-1-11-15

ТРАНСФОРМАЦИЯ БЛИЗНЕЧНОГО МИФА В НОВЕЛЛЕ МАРГАРЕТ ЭТВУД «СМУГЛАЯ ЛЕДИ»

А. Н. Исаева

Аннотация. В настоящей статье исследуется связь древних близнецных мифов с литературой постмодернизма на примере новеллы Маргарет Этвуд «Смуглая леди». Актуальность данной работы состоит в том, что писатели XX и XXI в. часто обращаются к различным мифологиям, по-своему их интерпретируя, и читателю важно знать, на что именно опирался автор при написании своего произведения, а главное – для чего он это делал. Цель статьи – понять, зачем М. Этвуд в качестве основы своего произведения использует древние мифы, трансформируя их под сознание современного человека. В частности, в рассказе «Смуглая леди» прослеживается постмодернистская игра с близнецным мифом.

Ключевые слова: постмодернизм, близнецный миф, Маргарет Этвуд, постмодернистская ирония, мифология.

TRANSFORMATION OF THE TWIN MYTH IN MARGARET ATWOOD'S SHORT STORY „DARK LADY“

A. N. Isaeva

Abstract. This article explores the connection between ancient twin myths and postmodern literature using the example of Margaret Atwood's short story „Dark lady“. The relevance of this work is that writers of the XX and XXI centuries often turn to various mythologies, interpreting them in their own way, and it is important for the reader to know what exactly the author relied on when writing their work, and most importantly – why they did it. The purpose of the article is to understand why M. Atwood uses ancient myths as the basis of her work, transforming them to fit the consciousness of a modern person. In particular, the story „Dark lady“ traces a postmodern play with the twin myth.

Keywords: postmodernism, twin myth, Margaret Atwood, postmodern irony, mythology.

© Исаева А. Н., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Маргарет Этвуд (род. 1939) – признанный мастер современной прозы. Канадская писательница, чьи романы не выходят из списка бестселлеров и постепенно утверждаются как «классика», является также мастером малой формы. Сборник рассказов «Каменная подстилка» / “Stonemattress” (2014), в который входит интересующая нас новелла «Смуглая леди», наряду с произведениями крупного жанра составляет значимую часть наследия автора нашумевшего романа-антиутопии «Рассказ служанки» / “The Handmaid’s Tale” (1985).

Мифопоэтика прозы М. Этвуд составляет важнейшую особенность ее творческой индивидуальности. Сборник «Каменная подстилка» далеко не первое произведение, в котором писательница обращается к мифологическим сюжетам и мотивам. Достаточно вспомнить романы «Пенелопиада» / «The Penelopiad», «Слепой убийца» / “The Blind Assassin”, антиутопию «Рассказ служанки» и др. В одних романах происходит травестирование мифологических сюжетов, в других миф становится параллельным сюжетом, в котором раскрываются судьбы и характеры героев. Но всякий раз автору важно показать проявление мифологических архетипов в пространстве современной жизни, невозможность изживания черт мифологического сознания в человеке, его потребность в мифе.

В настоящей статье мы обратимся к рассказу «Смуглая леди», чтобы на этом локальном материале показать авторскую интерпретацию близнечного мифа, воплощенную в судьбах главных героев.

Мифы о близнецах часто связаны с космогоническими мифами, так как у многих народов сотворение мира объясняется через взаимоотношения либо братьев-близнецов (например, Ен и Омэль у коми, Иоскеха и Тавискарон у племени ирокезов и т. д.), либо разнополых близнецов, нередко вступающих в кровосмесительный брак (Осирис и Исида у египтян, Ям и Ями у индусов) [1, с. 174–175]. Дуализм таких мифов проявляется в первую очередь в противопоставлении близнецов по характеру, физическим

признакам и способностям. Так, например, один из двух высших богов-демиургов в мифологии народа коми, Ен, считался создателем всего позитивного, а его брат-антагонист Омэль, наоборот, сотворил все негативное, злое. Еще одно проявление дуализма в близнечных мифах – рассказ о супружеской паре, брате и сестре, как о едином целом (нередко предполагается, что кровосмесительный брак между ними начинается уже в чреве матери) [1, с. 174–175].

Родители близнецов (чаще всего мать) имели такой же сакральный ореол, как и сами дети, так как все они считались существами, соприкоснувшимися со сверхъестественной силой и ставшими ее носителями (например, Леда и ее сыновья Диоскуры и т. д.).

Мифы о близнецах в мировой литературе с течением времени трансформировались в мотив двойничества (например, повесть Ф. М. Достоевского «Двойник», 1846; повесть Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» / “Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde”, 1886; роман У. Уайльда «Портрет Дориана Грея» / “The Picture of Dorian Gray”, 1891, и др.). В эпоху постмодернизма тенденция к переосмыслению и трансформации древних мифов еще более усилилась, и творчество Маргарет Этвуд – очевидное свидетельство этого проявления.

Рассказ «Смуглая леди» входит в состав сборника «Каменная подстилка», где одной из магистральных объединяющих сборник тем выступает тема старости, осмысление прожитой жизни и приближающейся смерти. Правда, обо всем этом писательница повествует с присущей ей иронией, в известной степени имитируя природу амбивалентности мифологического сознания, для которого характерно соединение противоположностей: жизни/смерти, смеха/страха.

История раскрывает перед читателями жизненный путь разнополых близнецов, Марджори и Мартина, которые в старости нашли забаву в посещении похорон бывших любовников Марджори. В отношениях между ними можно уловить некоторую связь с мифологическими персонажами Осирисом

и Исидой: во-первых, обе пары являются близнецами, во-вторых, у обеих пар созвучны имена, как и у египетских божеств.

Джорри и Тин (такие тайные имена придумали себе брат и сестра, что также связывает их с египетской мифологией через мотив «секретного», второго имени) [2, с. 251] были рождены простой женщиной, «не блиставшей умом» [3, с. 99] матушкой Мэв и военнослужащим Вестоном. Этвуд окружает иронией образы родителей героев, дав им статус обычных, ничем не примечательных людей. Никакого сакрального ореола, характерного для легендарных родителей близнецов, у них нет. В то же время образ матушки Мэв, плачущей над фотографией убитого мужа, является аллюзией на уже упомянутую Исиду, верную жену Осириса, безутешно плачущую по убитому супругу. Мы видим, насколько ироничен первый образ по отношению ко второму. Более того, матушка Мэв после смерти мужа опускается все ниже и ниже, утопая в бесконечной череде любовников. Отец героев также не имеет ничего общего с божественной сущностью, несмотря на свою печальную участь: в рассказе его смерть предсказывает фотография, запечатлевшая его без головы.

Близничная пара Тин и Джорри всю жизнь провели вместе, правда, супружеской парой они так и не стали, однако и в браке никто из них не состоял. По сути, они пара, состоящая в «платонических отношениях»: «Дело в том, думает сейчас Тин, что они никогда не любили никого, кроме друг друга. Во всяком случае, никого другого не любили безусловной любовью. Все прочие их любви включали в себя множество условий» [3, с. 108]. Их безбрачие объясняется взаимным влиянием на жизни друг друга. Тин стал «голубеньким» [3, с. 103], чему в какой-то мере способствовала Джорри; так же Тин косвенно стал виновным в изнасиловании Джорри (в тот момент он спал), а значит, и в ее последующем неустраиваемости брачной жизни.

В рассказе оба героя, говоря о себе, используют местоимения «мы», «нас», что указывает на их восприятия себя как единого целого: «Как думаешь, мы с тобой слишком

чувствительные?»; «Наверное, мы могли бы стать гениальными убийцами-психопатами...» [3, с. 93] и т. д. Близнецы выступают двумя сторонами одной ипостаси, на что намекает их детский снимок, на котором запечатлены «на лицах одинаковые перекошенные ухмылки – у него перекокс налево, у нее направо. Нельзя сказать, мальчики это или девочки...» [3, с. 99].

Однако, как это характерно для дуалистических мифов, близнецы воплощают и определенные противоположности. Во-первых, это отражено в разной половой принадлежности; во-вторых, в интеллектуальном развитии: Тин образованный, знает латынь и пишет научную диссертацию, у него довольно хорошо развито чувство стиля, он всегда сдержан и осторожен. Джорри же всегда порывиста, темпераментна, иногда безжалостна в своем устремлении, но в то же время бесхитростна. И при этом «она терпеть не может латыни и всего, что с ней связано» [3, с. 105].

Джорри близка тема смерти и погребения. Именно она по утрам читает некрологи в газетах, которые вызывают у нее лишь смех: «Она не из тех, у кого глаза на мокром месте» [3, с. 90]. Это характеризует ее как сильную личность, способную без страха и с известной веселостью смотреть в глаза смерти. Более того, героиня имеет черты безжалостной богини, мстящей своим любовникам: «Он был под угрозой, потому что ты желала ему зла, Марджори, – говорит Констанция ровным голосом. – Желала зла и гневалась на него. Это очень мощное колдовство, знаешь ли. Пока его дух все обитал во плоти по сю сторону, он был в опасности» [3, с. 138]. Приведенная цитата связана со следующим сюжетным мотивом рассказа: герой-любовник пытается «спрятаться в книге», чтобы его не настиг праведный гнев Джорри. Маргарет Этвуд здесь использует аллюзию на мифологический мотив укрывания героя, не угодившего богам (Одиссей, стремящийся укрыться от Посейдона, Зевс, укрываемый на Крите матерью Реей от отца Кроноса и т. д.).

О мстительности Джорри говорит и тот факт, что она посещала похороны своих бывших знакомых только для того, чтобы

позлорадствовать над их жребием: «...Джорри была охотницей, а не дичью» [3, с. 116] (“...Jorrie had been the huntress, not the hunted” [4, с. 136]). Как истинная богиня, она гневается на неповиновение погоды, не желающей подчиняться ее воле: «...тем более что Джорри видела в этом погодном явлении выпад против себя лично и жаловалась, что с ней нечестно обошлись. Как могла погода так поступить по отношению к ней, Джорри?» [3, с. 126].

Героиня, без сомнения, бывает жестока и не руководствуется правилами морали, что также сближает ее с древними мифическими богинями (Кали у индусов, Гера у греков, Иштар у шумеров и т. д.): «Но для Джорри ненависть, наоборот, служит стимулом. Она желает плясать чечетку на могилах...» [3, с. 91]. Однако при этом героиня не хочет плясать на могилах в одиночку.

Есть в рассказе немало эпизодов, в которых проявляются жестокие, мстительные наклонности героини, и при этом они у нее приобретают формы «черного юмора». Например, в эпизоде выражения героиней «канибалистских» устремлений: «Нам бы положить твоих и моих любовников в блендер, хорошенько измельчить и перемешать, – сказала однажды Джорри. – Прийти к среднему» [3, с. 107]. Героиня обладает ненасытностью древнегреческой богини, пугающей своим желанием утвердиться над другим существом, особенно ее чем-то задевшим или ей неприятным.

Вместе с тем образ Джорри, жаждущей торжествовать, в свою очередь, снабжен авторской иронией: в отличие от бессмертных богинь, которым героиня пытается соответствовать, она не обладает бессмертием, хотя и предпринимает активные, но одновременно жалкие попытки его обрести: «Но пока что Джорри всячески старается сама превратиться в кого-то другого. <...> Джорри по правде верит обманчивым, заманчивым этикеткам, сулящим пухлость, упругость, исчезновение морщин, возвращение юной свежести, намек на бессмертие – несмотря на то, что много лет работала в рекламе и должна бы знать цену всем этим цветистым оборотам» [3, с. 97].

Рассказ неслучайно назван «Смуглая леда», что является аллюзией на героиню

сонетного цикла Шекспира. Джорри, помимо прочего, отстаивает миф о себе как о музее, вдохновительнице поэта. С одной стороны, этот автомиф укрепляет самосознание героини, с другой – выступает источником ее внутренней желчи и злобы, поскольку в свое время любимый ею поэт ее покинул.

Тин в меньшей мере соответствует древним богам и призван скорее оттенить образ Джорри: без брата-близнеца героиня была бы не столь яркой. Тин часто останавливает сестру от принятия поспешных решений, он рассудителен, обладает здравым умом и развитым чувством прекрасного; он как бы оберегает Джорри от худшего в ней самой.

На протяжении всего повествования указывается на то, что при всех различиях близнецы живут и действуют как единое целое: брат и сестра советуются по любому поводу (даже касательно вечерних нарядов), везде и всюду ходят вместе. Им не нужно скрывать друг от друга свои мысли, у них как бы одна душа на двоих, однако, как справедливо замечает автор, «даже у гуппи в организме есть непрозрачные места» [3, с. 95]. Именно такое «непрозрачное место», о наличии которого Тин только подозревает, есть у Джорри. Именно оно в какой-то момент нарушает единство близнецов и разделяет их на две независимые сущности. Тин никогда не допускал мысли, что его сестра, порывистая, импульсивная, порой желчная до цинизма, способна на трогательную искренность, прощение и сострадание, что все ее качества были лишь защитной стеной, выстроенной против беспощадного окружающего мира: «Неужели он все эти годы не понимал про Джорри чего-то главного? У нее есть иные слои, иное могущество? Иные измерения, о которых он никогда не подозревал?» [3, с. 141]. Таким образом, Джорри начинает выходить за рамки своего внешнего ампула, она оказывается более живой и человеческой, нежели древние мифические богини, и в этом ее главная сила и своеобразное величие, проявившиеся в последней встрече с бывлой соперницей.

В то же время в конце повествования читатель может заметить, что жизнь главных

героев-близнецов, как и их известных легендарных предшественников, постепенно мифологизируется, приобретает налет древних сказаний: «Она оболочивает нас янтарем, думает Тин. Чтобы сохранить навеки. В янтарных бусах, в янтарных словах. Прямо в нашем присутствии» [3, с. 141]. События их далекого прошлого вписываются в ряд известных мифов, а герои уже и сами не могут точно сказать, обычные ли они люди или придуманная пара божественных близнецов: «Они не помнят – исходная сцена облеплена, словно слоями обоев, многочисленными бездумными и, возможно, мифологизирующими пересказами». Память героев наполнена зыбкими очертаниями: “Did the dog really run outside with a large black brassiere in its mouth and bury it in the backyard? Did they even have a dog? Did Oedipus solve the riddle of the Sphinx? Did Jason make off with the Golden Fleece? It’s the same sort of question” [4, с. 125–126].

Таким образом, рассказ «Смуглая леди» является образцом постмодернистского

обращения с мифом. Очевидна его связь с представлениями древних людей о мифических близнецах, однако Маргарет Этвуд по своему интерпретирует эти представления. Герои рассказа во многом похожи на своих легендарных предшественников, однако все же Джорри и Тин остаются людьми, о чем автор постоянно напоминает посредством иронии. Но эта ирония не тотальна. В своих отдельных проявлениях герои достигают значительности. Неслучайно в финале рассказа автомиф героини, презентующей себя как «Смуглую леди», охотно и радостно подхвачен окружающими. Мифологическая составляющая служит в рассказе некой связью между прошлым (мифические герои) и настоящим (близнецы Джорри и Тин). Автор показывает, что становится с мифом в XXI в.: что в мифе остается значимым, а что вызывает лишь улыбку и смех. Какими бы стали Осирис и Исида или Аполлон и Артемида в наши дни? Об этом предлагает задуматься автор рассматриваемой новеллы, Маргарет Этвуд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Близнецные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 174–175.
2. Брюшинкин С. В. Тайны происхождения человеческих богов. М.: АСТ: Астрель, 2008. 443 с.
3. Этвуд М. Каменная подстилка / пер. с англ. Т. П. Боровикова. М.: Эксмо, 2018. 352 с.
4. Atwood M. Stonemattress. New York: Anchor books, 2015. 290 p.

REFERENCES

1. Bliznechnye mify. In: *Mify narodov mira. Encyclopedia: in 2 vols.* Gen. ed by S. A. Tokarev. Moscow: Sov. encyclopediya, 1991, vol. 1. Pp. 174–175.
2. Bryushinkin S. V. *Tayny proiskhozhdeniya chelovecheskikh bogov.* Moscow: AST: Astrel, 2008. 443 p.
3. Atwood M. *Kamennaya podstilka.* Transl. from English by T. P. Borovikov. Moscow: Eksmo, 2018. 352 p. (In Russian)
4. Atwood M. *Stonemattress.* New York: Anchor books, 2015. 290 p.

Исаева Анна Николаевна, аспирант, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

e-mail: anna4200712@rambler.ru

Isaeva Anna N., post-graduate student, State University of Humanities and Social Studies, Kolomna

e-mail: anna4200712@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 21.09.2020

The article was received on 21.09.2020